

нейшему арзамасцу, будущему своему тестю”, – писал в октябре 1825 г.² Пушкин барону Дельвигу, женившемуся на дочери Салтыкова. Сохранившиеся, благодаря аккуратности Броннера, письма Салтыкова рисуют его личность с привлекательной стороны.

Руководила ли Салтыковым симпатия к университетскому самоуправлению, отзвук его юношеского либерализма, или только желание избавить университет от влияния Яковкина, к которому Салтыков чувствовал большое недоверие – трудно решить. Как бы то ни было одним из первых шагов нового попечителя было “открытие” университета, т.е. полное применение к нему устава 1804 г.

Царским указом 24 февраля 1814 г. были утверждены выбранные университетом ректор (И.О. Браун³) и деканы. Деканом физико-математического отделения был избран Бартельс. Открытие университета и было торжественно отпраздновано 5 июля 1814 г.⁴ Важнейшим результатом этого открытия явилась специализация преподавания сообразно четырем отделениям университета: нравственно-политическому, отделению физико-математических наук, словесному и врачебному. На 1814/1815 академический год преподавание математики было разделено между Бартельсом, Никольским⁵ и Лобачевским. Последнему был поручен курс теории чисел по Гауссу и Лежандру, и тот же курс он читал и в следующем 1815/1816 академическом году.

Более ответственный курс – вероятно для студентов только что поступивших в университет – курс арифметики, алгебры и тригонометрии (по своим тетрадям) был поручен ему уже в профессора читает плоскую и сферическую тригонометрию (по своим тетрадям). В 1818/1819 г. Бартельс оставляет за собою только курс аналитической геометрии, и важнейший курс чистой математики – дифференциальное и интегральное исчисление (по Монжу и Лакруа) – поручается Лобачевскому.

Таким образом, преподавательская деятельность Лобачевского в эти первые годы была посвящена исключительно математике. В последующие годы, как мы увидим далее, ему пришлось брать на себя преподавание и механики, и физики, и астрономии.

Повышение Лобачевского одновременно с Симоновым⁶ в экстраординарные профессора было, как видно из дел, хранившихся в архиве университета⁷, и из переписки Салтыкова с Броннером⁸, результатом искреннего расположения Салтыкова к талантливым молодым профессорам.

Вопрос об этом возвышении был поднят по инициативе самого Салтыкова. 24 мая 1816 г. в Совете университета было заслушано письмо попечителя на имя ректора от 27 апреля следующего содержания: “На представление, сделанное мною его сиятельству г. министру народного просвещения об адъюнктах Лобачевском и Симонове, заслуживающим по своим отличным познаниям и поведению звания экстраординарных профессоров, его сиятельство, уважая мое о них одобрение, известил меня, что он не оставит их утвердить в сем звании, коль скоро получит представление от университета на основании устава, упоминая, чтобы я предложил о сем Совету. Вследствие чего прошу Вас, собрав Совет, предложение